

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ «СЛОВА ПРОТИВ РОСТОВЩИКОВ»
НИКОЛАЯ КАВАСИЛЫ¹

Сочинения византийских авторов середины XIV в., касающиеся экономических и политических проблем общественной жизни, позволяют исследовать одновременно и проявления нравственных установок общества, ибо они находили отражение в решении социальных вопросов. Так как моральные оценки и ориентиры определяются конкретными социальными координатами, понимание характера жизнедеятельности общества невозможно без анализа нравственных принципов эпохи².

Содержание трактата Николая Кавасилы «Слово против ростовщиков»³ предоставляет возможность для постановки вопроса о структуре нравственного сознания византийского общества середины XIV в. Нравственное сознание, основными элементами которого являются нормативные оценки и ценностные ориентиры, а также регуляторы поведения человека (требования, запреты), отражает, наряду с практикой нравственных отношений, «моральный климат» эпохи. Структура нравственного сознания, т. е. соотношение названных элементов, представляет собой ценностно-императивный нравственный аспект существующих общественных отношений.

Важнейшим проявлением нравственного сознания, нашедшим отражение в сочинении Николая Кавасилы, является ценностно-ориентирующая функция⁴. Автор дает читателям нравственную ориентацию среди явлений социальной действительности, расставляя ценностные акценты.

Высшей в шкале моральных ценностей является категория идеала. У Николая Кавасилы, как и у других христианских авторов, высшим выражением ценности является бог, представляющий собой абсолют нравственности. Главное в этом идеале — всеобъемлющая любовь. Не случайно Николай Кавасила называет христианскую заповедь «возлюби ближнего своего», «всеобщим законом Христа» (*pas ho tou Christou potos.* — 732 С). Человек, по Кавасиле, в своем поведении должен ориентироваться на этот высший нравственный идеал: «...устремленными вперед глазами ты видишь сияние» (733 А). Постыдные дела людей должны лишать их права на подобную устремленность (*там же*). Преступая нормы поведения в обществе, человек тем самым совершает проступок прежде всего против бога. В подтверждение этой мысли Николай Кавасила приводит слова апостола Павла: «Преступлением закона бесчестишь Бога» (748 А). Любой человеческий поступок, по

Кавасиле, измеряется по шкале, высшей и абсолютной ценностью которой является бог. Делай, как делал бог, будь похожим на него — вот основной ценностный ориентир сочинения Николая Кавасилы⁵.

Одновременно Николай Кавасила постоянно напоминает о недостижимости высшего нравственного идеала. Даже сопоставление человеческого и божественного закона он считает дерзостью (740 Д). Человеку, высоко ценящему свои достоинства и заслуги, он говорит: «Ты на таком же расстоянии от Бога, как слуга от царя» (741 А — В).

В связи с ориентацией на высший закон бога — закон всеобъемлющей любви — Николай Кавасила, подобно своим современникам, представляет человеческие отношения как общение братьев⁶. Библейскую заповедь «не дай под процент брату своему» (732 С) Кавасила ставит в один ряд с основными максимами священного писания «не убий» и «возлюби ближнего своего» (741 С). Братская помощь должна лежать в основе людских отношений. Николай Кавасила упрекает ростовщиков: «...проценты с братьев вы брали, но из своих запасов вы ничего не уступали нуждающимся» (732 Д). Лишать единоверца его имущества посредством взимания высоких процентов — это значит, по Кавасиле, выступать против законов родства («Ты обращаешь в рабство единоплеменника» — 748 Д). Ведущей темой упреков автора является напоминание о нарушении основного закона нравственности: «Ты не любишь ближнего своего» (740 А).

Несмотря на призывы организовать земную жизнь как союз братьев во Христе, Николай Кавасила оставляет в этом мире имущественное неравенство. Упоминания о «бедных» и «богатых» постоянно встречаются на страницах «Слова против ростовщиков» (732 Д, 733 ВСД, 740 А, 748 А и др.).

Правда, каких-либо социальных градаций в отношении этих понятий Николай Кавасила не дает⁷. Для него богатым является тот, кто берет проценты с должников; бедным же автор называет выплачивающего эти проценты. Таким образом, богатые и бедные могут быть соединены в одной социальной категории. Не определяя социального содержания бедности и богатства, Николай Кавасила акцентирует внимание на моральной стороне их взаимоотношений. По «Слову против ростовщиков» в понятие нравственно положительного автор прежде всего включает заботу о бедных: «Если кто-то вследствие твоего (займа) не попал в бедность, то это за его счет наполнило твои руки. И если тебе это дало деньги, то ему пустой дом. И это человеколюбие и забота о бедных?» (733 С). «Уступать нуждающимся» (732 Д) — часто повторяющийся мотив «Слова против ростовщиков». Он лишен социального содержания и сведен к моральному понятию братской любви, помощи старшего и сильного младшему и слабому⁸. Благодетель как мера регуляции отношений «бедных» и «богатых» совершенно четко выделена Николаем Кавасилой. В решении этого вопроса он твердо стоит на позициях христианских норм морали⁹.

В «Слове против ростовщиков» нашло отражение христианское отношение к труду. Слова апостола Павла: «Кто не хочет трудиться, тот не ешь» легли в основу понимания автором этой проблемы. Кавасила

пишет: «...не следует получать доход тем, кто никак не трудится» (729 А). Трудлюбие рассматривается автором, согласно общей христианской концепции, как высокая моральная ценность. Того, кто стремится обогатиться, не затрачивая труда, ожидает в будущем расплата: «Ты, получающий проценты, неужели ты думаешь избежать геенны?» (733 А).

Николай Кавасила, говоря о результатах труда, имеет в виду в соответствии с христианским учением о примате духовного над земным спасающую, а не накопительную функцию труда: «Ты только о доходе думал...» (733 В). В интерпретации Кавасилы труд является средством обеспечить себе будущее спасение. Тот же, кто не трудится (в частности, получающий проценты), «не получит хорошего на небесах» (745 С).

Утверждение Николаем Кавасилой обязательности труда для всех не выходит за рамки своего времени: оно полностью соответствует библейским текстам, обосновавшим необходимость тяжелого труда¹⁰ во имя будущего спасения. Таким образом, проблема труда решается автором в моральном ключе: все в равной мере должны каждодневным трудом искупать грехи во имя светлого будущего. Ростовщичество же в силу этого не может считаться нравственным, ибо «процента никто не получает трудом» (729 А).

Содержательное сопоставление моральных норм по трактату «Слово против ростовщиков» в конечном счете сводится к дихотомии добра и зла. Эти ключевые понятия дают возможность оценочно подойти к любому моральному проявлению¹¹.

Поскольку несправедливо высокий процент оправдывается в трактате сторонниками ростовщичества как проявление необходимой меры, направленной на спасение бедняков («Этот мудрый род ростовщиков, якобы во имя нового всеобщего спасения, создал несправедливость...» — 736 С), понятия «добра» и «зла» раскрываются Николаем Кавасилой на материале, соответствующем теме. Автор показывает всю сомнительность такого «доброго деяния», как помощь в форме предоставления денег в долг под проценты. Николай Кавасила говорит, что ростовщик под видом спасения должника, по сути дела, убивает его; кормя, он обрекает его на голод: «Как это противоречит — убивать и спасать, обирать и снабжать, мучить голодом и кормить, наносить удары и быть любезным. Ты все это смешиваешь» (733 С). Стремление ростовщиков подменить понятия «зло» и «добро» вызывает у Николая Кавасилы протест. Он дает совершенно четкую моральную оценку: «Бедного души, прижимать голодом, раздевать... это зло» (740 А). Но не давать в долг, по Кавасиле, — это не меньшее зло, чем ростовщичество: «...ты бежишь к другому проступку, меняя одно зло на другое — от «ростовщичествовать» к «не давать в долг» — и этим ты неопровержимо доказываешь явную подлость» (738 В).

В соответствии с понятиями «добро» и «зло» подаются в рассматриваемом сочинении и оценки «добрый — плохой». По Николаю Кавасиле, истинно добрый не требует платы за свою доброту: «...ты будешь любить и хорошо поступать не потому, что получишь вознаграждение, но потому, что ты добр...» (732 С). Но, разумеется, проповедуемые Николаем Кавасилой доброта и любовь отнюдь не так бескорыстны, как

может показаться на первый взгляд: они несомненно предполагают обязательную награду за пределами земной жизни.

В тексте трактата можно найти отдельные нюансы в оценке «плохого»: «И более преступны и плохи те, кто совершает дурное по отношению к тем, чьими услугами (ранее) пользовались» (740 В). Ростовщик же, живущий плодами чужих трудов, «хуже тех, кто посылается в геенну» (736 А).

Нелепость попыток назвать ростовщичество проявлением доброты, милосердия опровергается Николаем Кавасилой следующими словами: «Однако ты не скажешь, что земледelec кормит землю, когда бросает зерно, чтобы получить урожай» (733 В). Еще более выразительным является сравнение ростовщичества с «милосердием» людоеда: «Лучше же, я думаю, ты назовешь милосердием пиршество людоеда, ибо он вкусно и сытно кормит человека, чтобы (потом) его, разжиревшего, сожрать» (733 В).

Сочтя ростовщичество злом, проявлением недоброго и немилосердного, Николай Кавасила приравнивает взимание процента к акту несправедливости, цитируя Давида: «И от процента, и от несправедливости освободит их души» (728 В). Автор подчеркивает, что этими словами Давид «связывает воедино беззаконность, обман, несправедливость» (728 В). Справедливость предстает здесь как мера моральной оценки, соотносящаяся непосредственно с понятием «добро — зло».

Николай Кавасила призывает своего противника по спору произвести самооценку своего поведения: «Как ты, будучи столь плох, не стыдишься, не краснеешь» (733 АВ, 746 С). Обращаясь к совести ростовщика как проявлению его морального контроля, автор трактата подчеркивает связь совести с миром внешних по отношению к личности отношений: «Отчего же ты не стыдишься с нечестивостями фарисейскими нарушать божественную заповедь из-за традиции людей?» (741 В). Совесть как выражение нравственного самосознания личности в трактате «Слово против ростовщиков» носит явно выраженный экстремальный характер, будучи сориентированной скорее на божественную заповедь, нежели на голос внутреннего «я»¹².

Николай Кавасила, выступая против ростовщиков, пытается воздействовать на них не только угрозой возмездия, наказания судом бога или осуждения людей. Он привлекает моральные аргументы, соответствующие уровню и характеру мышления средневекового человека. Как уже отмечалось в исследовательской литературе, совместные трапезы имели в сознании людей той эпохи глубокий моральный смысл, означая умиротворение и дружбу. Разделить трапезу с человеком и остаться враждебным ему считалось аморальным: «И как ты не стыдишься делить общие трапезы с тем, кому ты враждебен, как ты не содрогаешься жить с ним вместе...» (748 Д)¹³. Николай Кавасила апеллирует также и к нравственной основе такого явления, как обмен дарами, имеющий целью проявление дружественных чувств. Автор трактата упрекает ростовщика в том, что он, получив дары (*ta dora dedzamenos*), сохраняет враждебность к дарителю (748 Д).

В рассматриваемом трактате отражена не только ценностно-ориен-

тирующая, но и регулятивная функция морали. Поведение средневекового человека предопределялось строгой системой запретов и поощрений. Необходимо было повседневно следовать готовым образцам и канонам поведения. Предписательность — важнейший регулятивный элемент морали¹⁴. Требования и запреты диктовали определенный стереотип поведения, нарушение которого подлежало осуждению и наказанию. По Николаю Кавасиле, регулятивная функция морали по выполнению нравственных предписаний связывается прежде всего с судом бога. Статус бога как высшего идеала сочетается у Кавасилы с его функциями высшего судьи, оценивающего человеческие поступки, определяющего степень наказания в случае отклонения от существующих норм поведения: «...Бог требует наказаний наисуровейших» (744 С). Ростовщик, взломщик, вор, убийца, по трактату, должны получить наказание прежде всего по приговору бога: «Когда Бог судит эти самые преступления, полагается (в качестве наказания) геенна» (745 С). Нарушение законов братства и всеобщей любви «ведет к наказанию геенной, тьмой, пределом всех бед» (732 Д). Отмечая связь божественных и социальных санкций, Николай Кавасила заканчивает трактат словами: «...ты ответственен перед Богом и обществом всех людей» («*kai theo kai to koino ton anthronon pollon hupereuthunos on*» — 749 В).

Автор, осуждая ростовщичество как проявление несправедливости и немилосердия, вызывает не только к божественной, но и к соответствующей социальной санкции¹⁵. Однако закон как выражение социальной санкции не запрещал ростовщичества во времена Николая Кавасилы. Это вызывает протест у автора трактата: «Насколько лучше судьи, несущие мысль в соответствии с судом Божиим, чем те, которые соглашаются с человеческими законами» (740 Д). Наряду с ростовщичеством как формой преступления в трактате порицаются и судьи, допускающие его: «благодаря судьям, подобным тебе, ты пользуешься добрым именем» (745 В). Отсутствие строгих правовых санкций, по мнению автора, поощряет ростовщиков пользоваться доходами, в основе которых не лежит труд: «Зачем же неработающим пренебрегать прибылью, если кара за это невелика?» (729 А). Николай Кавасила явно противопоставляет правовую санкцию в отношении ростовщичества божественной и морально-общественной, говоря об ответственности ростовщиков перед богом и обществом всех людей (749 В).

Оценивая ростовщичество как несправедливость и вступая в конфликт с современным ему законодательством в отношении этого вида общественной деятельности, Кавасила отнюдь не выступает носителем идей, с которыми связаны прогрессивные тенденции развития общества. Здесь уместно вспомнить следующее наблюдение К. Маркса: «Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым... то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя...»¹⁶. В отношении же позиции Николая Кавасилы мы можем отметить противоположное: его выводы имели обратную направленность — во времена Василия I и еще глубже, во времена раннего христианства. Ростовщичество, паразитировавшее на теле хиреющей византийской экономики, имело, однако, перспективу дальнейшего раз-

вития при условии изменения общественной ситуации в сторону генетического накопления элементов капиталистических отношений¹⁷. Николай Кавасила порицает аморальность ростовщичества с позиций ортодоксального христианства, обращенных не вперед, а назад.

В целом «Слово против ростовщиков» дает представление о психологически экстрове́ртном характере функционирования нравственного сознания¹⁸. Виновность человека связывалась в основном с внешней карой — возмездием бога. Боязнь наказания за совершенный грех обладала огромной нравственной силой. Стимулом нравственного поведения было стремление спасения души для вечного блаженства. Обращенность нравственности вовне, к внешним по отношению к личности канонам морали, свидетельствовала о преобладании нравственно-эмоционального, а не рационального мировосприятия. Проповедуемая Николаем Кавасилой система нравственных представлений была тесно связана с христианским вероучением и опиралась на идею бога. Нормы морали представляли собой некие идеальные («небесные») принципы, противостоящие земной жизни человека.

Изложенные в «Слове против ростовщиков» нравственные предписания выглядят недифференцированными: они в равной мере должны распространяться на всех людей. Принцип равенства людей перед требованиями морали, разумеется, имеет социально-уравновешивающий смысл¹⁹. Трактат обращен к людям, занимающим в обществе примерно равное положение. Таким образом, этот принцип равенства всех перед заповедью бога является формальным в силу фактического неравенства в обществе²⁰.

Рассматриваемое сочинение Николая Кавасилы, равно как и многие другие сочинения византийских авторов этого времени, приводит к мысли, что вопреки утвердившемуся в научной литературе тезису, стержневым элементом феодальной структуры нравственного сознания является не честь, а долг²¹. Долг всех перед богом, долг искупления первородного греха, долг перед братьями, детьми общего отца, является основной темой и императивом выраженной в сочинении Николая Кавасилы морали. Долг выполнения божественной заповеди дополняется и долгом в социальном смысле. Обязанность человека трудиться, благотворствовать, не завидовать имущим, не красть — все это складывалось в целую систему «долгов», формально нерасчлененных, но фактически имеющих определенную социальную адресацию. В этом отношении представляются справедливыми слова П. Лафарга: «Все члены феодальной иерархии, восходящей от крепостного к королю или императору, были тесно связаны взаимными обязательствами. Тогда долг, как теперь прибыль, был душой общества»²².

Входят ли нравственные нормы, изложенные в «Слове против ростовщиков», в «общую» мораль византийского общества? Не вызывает сомнения, что Николай Кавасила выражал мысли господствующего класса. Однако, как известно, «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями»²³. Нравственные принципы трактата, написанного аристократом Николаем Кавасилой, представляли господствующую в обществе мораль, которая своей внеш-

ней формой и утверждением равенства всех перед заповедью обслуживания коммуникативность между различными социальными группами, а внутренним смыслом утверждала интересы тех, кто имел власть и богатство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этические проблемы в творчестве Николая Кавасилы рассматривались исследователями только на материалах его теологических сочинений. См.: еп. Алексий. Византийские церковные мистики XIV века (препод. Григорий Палама, Николай Кавасила, препод. Григорий Синаит). Казань, 1906, с. 60—68; М. Lot-Borodine. Un maître de la spiritualité byzantine au XIVe siècle. Nicolas Cabasilas. Paris, 1958, p. 121—153; eadem. La doctrine de l'amour divin dans l'oeuvre de Nicolas Cabasilos. Irénikon, 32, 1959, p. 6—22 (мне недоступно).

² «...люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен». (Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 95).

³ J.—P. Migne. Patrologia cursus completus. Series graeca posterior, t. 150, 1865. P. 727—750. Ссылки на трактат указываются в тексте статьи.

⁴ Мораль и этическая теория. Некоторые актуальные проблемы. М., 1974, с. 65—75.

⁵ Наиболее четко этот ценностный ориентир отражен в сочинении «Семь слов о жизни во Христе».— PG, t. 150, p. 493—726.

⁶ В исследовательской литературе не раз отмечалось, что общественные отношения в феодальном мире строились по принципу «отцы — дети» (по аналогии с пятой заповедью десятизакония Моисея: «почитай отца твоего и мать твою») См.: Мораль и этическая теория, с. 43; А. И. Титаренко. Структуры нравственного сознания. Опыт этико-философского исследования. М., 1974, с. 58—76. Николай Кавасила же говорит об обществе детей одного отца, т. е. братьев. Тема отношений братьев, детей общего отца — бога, является ведущей и у другого византийского автора середины XIV в. — Алексея Макремволита в его «Разговоре между богатыми и бедными».— ВВ, т. 33. М., 1972, с. 278—282.

⁷ Это в значительной степени отличает Николая Кавасилу от Алексея Макремволита.

⁸ Этот мотив напоминает следующие фрагменты у Алексея Макремволита: «Будьте благосклонны к нам в своем изобилии, как друзья и братья...»; «мы рассчитываем на ваше сочувствие, к которому мы и обращаем смело слова»; «Только через сострадание к нам вы обретете бессмертные покои».— ВВ, т. 33, с. 280—281.

⁹ «Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов — господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему благодетельствовал». (К. Маркс. Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 204).

¹⁰ «В поте лица твоего будешь есть хлеб». — Бытие, 3.19.

¹¹ Л. М. Архангельский. Категории марксистской этики. М., 1963, с. 58—76; Ю. В. Согомонов. Добро и зло. М., 1965; Ф. А. Селиванов. Благо как исходная категория для системы этических понятий. — В сб.: Проблемы категорий марксистской этики. Новосибирск, 1968, с. 16—19.

¹² А. И. Титаренко. Структуры нравственного сознания, с. 171.

¹³ Ср. у Алексея Макремволита: «И разве не достаточно ясное свидетельство того, что вы отворачиваетесь от нашей же природы, когда вы избегаете брака с нами, не хотите посидеть с нами за общим столом и поговорить?» — ВВ, т. 33, с. 279.

¹⁴ Мораль и этическая теория, с. 78.

¹⁵ Санкция. — Словарь по этике. Изд. 3-е. М., 1975, с. 272—273.

¹⁶ Маркс и Родбертус. Предисловие к первому изданию работы К. Маркса «Нищета философии». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 184.

¹⁷ «Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из орудий, создающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких

производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал». (К. Маркс. Капитал.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 2, с. 146).

¹⁸ А. И. Титаренко. Структуры нравственного сознания, с. 170—194.

¹⁹ О. Г. Дробницкий. Понятие морали. М., 1974, с. 316.

²⁰ Равенство (в морали).— Словарь по этике, с. 255.

²¹ А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 184; А. И. Титаренко. Структуры нравственного сознания, с. 177—178. Честь может быть вычлена как стержневой элемент сознания только в рамках сословной морали при условии четкой кристаллизации системы иерархии. В Византии не существовало сословной системы и строгой иерархии социальных групп. Корпоративность была присуща феодальному обществу Византии в значительно меньшей степени, чем западноевропейским обществам эпохи средневековья.— А. П. Каждан. Византийская культура (X—XII вв.). М., 1968, с. 47—49; его же. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975, с. 136—137.

²² П. Лафарг. За и против коммунизма. Собственность и ее происхождение. М., 1959, с. 101.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, с. 45.